

Оригинальная статья
УДК 111.81; 130.2
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-2-83-94>

Лингвоонтологический подход в теории М. Бахтина: логика–грамматика–поэтика

Олег Константинович Кошмило

*Тольяттинская академия управления, Тольятти, Россия
koshmilo-ok@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-0885-8039>*

Введение. Актуальной проблемой освоения богатого научного наследия Михаила Бахтина является фиксация того единого подхода, который хоть и неявно, но сообщает всему чрезвычайно широкому спектру выдвинутых мыслителем тем и пестрому набору синтезированных им концептов парадигмальное единство.

Методология и источники. Возникнув в широком русле «лингвистического поворота», задавшего базовую тенденцию развития гуманитарных наук в XX в., теория Бахтина методологически аккумулировала все связанные с этим поворотом подходы – феноменологию, онтологию, герменевтику, психоанализ, русский формализм, структурализм.

Результаты и обсуждение. Самый широкий веер гуманитарных феноменов – от языкознания, теории коммуникации, концепции романа до конкретных художественных произведений, оказываясь в поле мысли Бахтина, индуцируется парадигмой понимания по траектории «логика–грамматика–поэтика». В данном алгоритме сначала выделяется нормативный центр, который в своей самотождественности и местоименной неподвижности предстает в абсолютном статусе «вечной субстанции»; затем в разрезе с «логическим» центром описывается «грамматическое бытие» динамично деятельной периферии в свойстве неопределенности наличного становления. И в модусе поэтизации эта дихотомия, в которой одна сторона, притязая на субъектность и господство, отводит другой роль зависимого, но и ресурсно предикатного образования, образует союз на путях поэтического упразднения имманентной дихотомии центр/периферия, не отменяя онтологического напряжения между ними, наполняя их энергией трансцендентного смысла.

Заключение. Лингвоонтологический подход Бахтина проясняет пребывание на одной оси области логического нисхождения, синтезирующего полюс монологического субъекта в его доминировании над наличным миром и другим как своим предикатом относительно полюса Я/есть, и поэтического восхождения в модусе диалогической эквивалентности метафоризации предикатного мира, в которой тот сгущается в эстетический образ, и метонимизации эгоцентричного субъекта, смещающей его на периферию поэтического созерцания.

Ключевые слова: поэтика, синтаксис, субстанциальность, метафоризация предиката, метонимизация субъекта, образ, дух, имя

Для цитирования: Кошмило О. К. Лингвоонтологический подход в теории М. Бахтина: логика–грамматика–поэтика // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 2. С. 83–94. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-2-83–94

© Кошмило О. К., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Linguistic and Ontological Approach in M. Bakhtin's Theory: Logic–Grammar–Poetics

Oleg K. Koshmilo

*Togliatti Academy of Management, Togliatti, Russia
koshmilo-ok@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-0885-8039>*

Introduction. The current problem of mastering Mikhail Bakhtin's rich scientific legacy is to fix the unified approach that, albeit implicitly, provides a paradigmatic unity to the extremely wide range of topics proposed by the thinker and the diverse set of concepts he synthesized.

Methodology and sources. Emerging within the broad framework of the “linguistic turn”, which set the basic trend for the development of the humanities in the 20th century, Bakhtin's theory methodologically accumulated all the approaches associated with this turn, including phenomenology, ontology, hermeneutics, psychoanalysis, Russian formalism, and structuralism.

Results and discussion. The broadest range of humanities phenomena – from linguistics, communication theory, and the concept of the novel to specific works of art – is induced by Bakhtin's paradigm of understanding along the trajectory of “logic – grammar – poetics”. In this algorithm, the “normative” center is first identified, which, in its self-identity and pronominal immobility, appears in the absolute status of an “eternal” substance; then, in relation to the “logical” center, the “grammatical” existence of the dynamically active periphery is described in terms of the uncertainty of immediate becoming. In the modus of poeticization, this dichotomy, in which one side claims subjectivity and dominance, while the other plays the role of a dependent but predicate-rich entity, forms an alliance on the path of “poetic” abolition of the immanent dichotomy of center/periphery, without eliminating the ontological tension between them, which is filled with the energy of transcendent meaning.

Conclusion. Bakhtin's linguo-ontological approach clarifies the presence on the same axis of the field of logical descent, which synthesizes the pole of the monological subject in its domination over the present world and the other as its predicate relative to the pole of I/is, and the poetic ascent in the modus of the dialogical equivalence of the metaphorization of the predicative world, in which it condenses into an aesthetic image, and the metonymization of the egocentric subject, which shifts the latter to the periphery of poetic contemplation.

Keywords: poetics, syntax, substance, metaphorization of the predicate, metonymization of the subject, image, spirit, name

For citation: Koshmilo, O.K. (2026), “Linguistic and Ontological Approach in M. Bakhtin's Theory: Logic – Grammar – Poetics”, *DISCOURSE*, vol. 12, no. 2, pp. 83–94. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-2-83-94 (Russia)

Введение. Творчество Михаила Бахтина, безусловно принадлежащего, несмотря на конкретный исторический контекст, национальной и мировой традиции идеалистического культа слова, исходно пребывает в невидимом поле его «магической власти» [1, с. 238]. Осуществляемая Бахтиным онтологизация языка верна христианской парадигме начальства Слова-Логоса (Ин 1:1). Удерживая христианское представление о словесной инициативе мира и человека, Бахтин интегрирует его в контекст кризиса классической субъективности, который, достигнув своих пределов в теориях представителей немецкого идеализма, обнаружил в имманентной монологичности классического субъекта принципиальную расщепленность. Выход из тупика субстанциализма субъекта Бахтин видит в диалогичности, что

осуществляет трансгрессию за пределы изолированности индивида. С учетом описанной структурной лингвистикой разницы семантически субъективной речи и синтаксически объективного языка такая трансгрессия предстает как *транспозиция* синтаксиса имманентности с приоритетом в личном местоимении Я, фундирующего эгоцентризм субъекта, в синтаксис трансцендентности с началом в имени, способным поэтически объединить человека и мир, субъекта и Другого.

Методология и источники. Свой метод Бахтин наименовал «металингвистикой», имея в виду, что мышление бытия как мышление словами и «на словах» так или иначе обращает внимание на их самостоятельную семантику и порядок синтаксического сочетания. В этом отношении теория Бахтина оказывается созвучной онтологии Хайдеггера, в которой человеческое *присутствие* (Dasein) размыкается в мир благодаря речи как «значимому членению расположенной понятности бытия-в-мире», и только «укоренные в бытийной конституции присутствия экзистенциальные черты» онтологически делают «возможным нечто подобное языку» [2, с. 162–163].

В близости с философиями Бахтина и Хайдеггера состоит онтология имени С. Н. Булгакова. Принадлежащий христианской традиции почитания имени Бога как *начала* мира русский религиозный мыслитель, опираясь на Моисеев теоним «Я есмь Сущий» (Исх 3:14), видит ядро человеческой речи в триединстве таких частей речи, как местоимение, глагол и имя [3, с. 45–88]. По Булгакову, самым драматичными является отношение между именем и местоимением, поскольку, будучи только «тенью имени», континуально тождественное местоимение Я обладает полномочием утвердить эгоцентризм субъекта в качестве «неотъемлемой предпосылки» [3, с. 51–53]. Именно в преодолении монологичности эгоцентричного субъекта, по Ю. Кристевой, и формируется подход Бахтина, что оспаривает «структуру греческого (индоевропейского) предложения, которое строится по модели «субъект–предикат», использующей принцип тождества, обусловленности и каузальности» [4, с. 434].

Для исследования значим вывод В. Л. Махлина о том, что Бахтин рассматривает ситуацию, идущей от Аристотеля и достигшей кульминации в картезианском рационализме субстанциализации субъекта как «интегральный» момент образования человеческого духа [5, с. 21–22], которому, чтобы подняться в трансцендентную высь, необходимо коснуться имманентного дна. Ключевым в осмыслении В. Т. Фаритовым теории Бахтина является тезис о том, что у Бахтина человеческий дух способен осуществлять трансгрессию за инвариантные пределы субъект-предикатной структуры языка [6, с. 135]. Основным способом такой трансгрессии является поэтизация. Основоположники структурализма Р. Якобсон и К. Леви-Стросс, разбирая стихотворение Ш. Бодлера «Кошки», акцентируются на тропах метафоры и метонимии. По заключению теоретиков, существом поэтичности является параллельность процессов метафоризации и метонимизации, достигающих *эквивалентности*, преодолевающей логическое доминирование субъекта над предикатом [7, с. 338–341]. Событие гармонизации отношения Я и Другого сопровождается, по А. А. Грякалову, включением в это отношение *третьего* как меры «исходной смысловой заданности, вбирающей в себя все потенциальные смыслы, но не имеющей своего топоса», что, «обладая способностью сохранять внешнюю наличную непроявленность и незадействованность в обмене позициями... создает целостность высказывания» [8, с. 385–391].

Лингвоонтологическая специфика теории Михаила Бахтина во всей методологической полноте представлена уже в (изданной под именем В. Н. Волошинова) работе «Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке». Описывая все многообразие возникших к началу XX в. лингвистических учений от В. фон Гумбольдта до Ф. де Соссюра, теоретик распределяет его на «магистралей» *индивидуалистического субъективизма и абстрактного объективизма* [9, с. 43]. Для первого направления «осветить языковое явление значит свести его к осмысленному (часто даже разумному) индивидуально-творческому акту» [9, с. 44]. Второе направление задается тем, что «организующий центр всех языковых явлений... перемещается... в языковую систему фонетических, грамматических и лексических форм языка» [9, с. 48]. В целом их вполне онтологическая разница, выражая «разрыв между историей и системой языка», изображается контрастом реки – образа исторической вариабельности языка – и стоящей над рекой радуги – языка как инвариантной системы [там же].

Фундаментальный зазор континуальности всеобщей и, по слову Бахтина, «себетождественной» формы как точки отсчета спекулятивного синхронизма и дискретности языкового содержания как основы сравнительно-эмпирического диахронизма в итоге восходит к онтологической разнице подотчетной универсальным законам логики субстанциальности (эссенциальности) и экзистенциальности, способной эмансипироваться от логического универсализма. Значение логической всеобщности подчеркивает такая манифестация обоих направлений: «Между логикой, управляющей системой языковых форм в данный момент, и логикой (или, вернее, алогикой) исторического изменения этих форм не может быть ничего общего. Это две разных логики: или, если мы признаем логикой одну из них, то алогикой, т. е. голым нарушением принятой логики, будет другая» [9, с. 50]. Бахтинский неологизм *алогика* выражает некую трансцендентную возможность онтологического преодоления силы логических законов, относясь прежде всего к сцене «индивидуально-творческого акта», который был бы невозможен без подобного преодоления [9, с. 52].

Собственно, одним из признаков различия рассматриваемых Бахтиным магистралей в науке о языке является оппозиция трансцендентность/имманентность. Данный признак определяет то, что если экзистенциалистское языкознание задается «отношением знака к отражаемой им реальной действительности или к порождающему его индивиду», то языкознание эссенциалистское детерминируется «отношением знака к знаку внутри замкнутой системы» [9, с. 53]. Имманентность второго направления фундирует в себе возможность систематизации языка, укорененную для Бахтина в картезианском рационализме [там же], в рамках которого субъект, возымевав характер субстанции, эгоцентрично замыкает на себя репрезентацию мира. В синтаксисе имманентности спонтанная самопричинность такого «абстрактно изолированного элемента», как Я, его автономная каузальность, изолируя личное местоимение в статусе центра тяжести высказывания, замыкает его содержание на полноте *монологичности*.

Как заключает Бахтин, из синтаксиса имманентности, т. е., синтаксиса как такового, в поэтическую композицию целостности можно перейти только скачком [9, с. 71–72]. Монологичности, замкнутой на имманентном ядре Я/есть, Бахтин противопоставляет диалогичность, ключевым обстоятельством которой является трансцендентность социальной среды: «Организирующий центр всякого высказывания, всякого выражения – не внутри, а во-

вне: в социальной среде, окружающей особь» [9, с. 85]. Поэтому Бахтин указывает на типичность и индивидуалистического субъективизма ввиду того, что «идеологическое наполнение слова» он дедуцирует из «индивидуальной психики», совпадая с абстрактным объективизмом по части общей обоим монологичности [9, с. 86].

Результаты и обсуждение. Дифференцировав некоторую сумму теорий языка на индивидуалистический субъективизм и абстрактный объективизм в отношении дихотомии спекулятивной универсальности форм языка и наличной партикулярности его содержания, воспроизводящей логическую разницу континуального субъекта и дискретного предиката, Бахтин в конечном итоге отождествляет обе магистрали в плане изолированности единого для них начала в виде монологичности субъекта, в котором с позиций «социологического метода» опознается отчужденность от диалогичности социальной среды [5, с. 18]. Ключевой чертой лингвоонтологического подхода Бахтина является разница имманентной сферы монологичной *однозначности* и трансцендентного поля диалогичной *многозначности*.

Эта разница в полной мере характеризует срединный в теоретической траектории Бахтина лингвоонтологический анализ романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Его основная тема – разница между статуарным режимом официально-элитарной культуры средневековья, представленного церковно-аристократическим меньшинством, и празднично-карнавальным, «народно-площадным» круговращением жизни эгалитарного большинства [10, с. 18–20]. Особое значение в контексте неизбежной конфронтации социальных верхов и низов принадлежит сфере празднеств. Народное большинство, отдавая своим участием должное парадным мероприятиям, заверив духовную и светскую власть в своей лояльности и законопослушности, тем не менее подлинно радуется своим собственным праздникам. В отличие от установленных «сверху» праздников с их строгим регламентом и стандартной драматургией, народный праздник представлял для простолюдина реальную отдушину в рутине полных тягот трудовых будней.

С языческой первобытности празднество, будучи целью процесса воспроизводства жизни, аграрно-праздничным календарем вторящей сезонной цикличности природы, пребывает в средоточии социальной динамики человеческого мира. Поскольку жизнь переживается как одаривание, в котором мир дарит себя смертным, а те благодарно воздают ему жертвы, цикл воспроизводства жизни, в котором фаза мучительно созидательного, тяжелого, слезного труда переходит в фазу радостно упраздняющего, веселого, сопровождающегося смехом потребления, наполняется значением двух полупериодов ритуального жертвоприношения. Так, на первом этапе происходит сакрализации жертвы, что, сопровождаясь минорно-трагедийными переживаниями, манифестирует страдание *искупления*, которое содержит смысл вменения ответственности за причиненную людьми порчу мира. Созидание сакральной жертвы имеет характер *метафоризации*, в которой единичная вещь посредством озвучиваемого жрецом священного *имени бога* являет образ мира как целого, в отношении чего искупается и этим возвращается утраченная гармония мира. Сгущение мира в образе единичной вещи как сакральной жертвы, благодаря которой мир выводится из периферии своей подчиненности и сияет на жертвеннике святыней посреди круга человеческого внимания, означает, что священное переоценивание вещи в жертву – это метафоризация мира как *предиката*.

После того, как увенчанное финальной глоссолалией жреца приготовление жертвенного объекта завершается, происходит переход ко второй фазе ритуала, составляющей существо праздничной *евхаристии*-причастия, в котором совместное вкушение жертвенного яства сопровождается радостью примирения смертных с богами и единения людей друг с другом. В поэтическом отношении праздничное потребление является *метонимизацией*, поскольку участники священной трапезы, *причащаясь* общей жертве, евхаристически переживают себя как *части* единого *целого*. Одухотворяющее поклонение жертве, смещая человека из центральности его профанной обособленности и интегрируя его в периферийный круг причастников, означает, что священная метонимизация имеет смысл десубстанциализации человека как *субъекта*.

Таким образом, ощущая себя членами бессмертного *тела бога*, участники празднующей общины образуют то, что Бахтин называет «коллективным телом»: «неготовое и открытое тело это (умирающее–рождающее–рождаемое) не отделено от мира четкими границами: оно смешано с миром, смешано с животными, смешано с вещами. Оно космично, оно представляет весь материально-телесный мир во всех его элементах (стихиях)» [10, с. 37]. Общим итогом интеграции тел в коллективное тело в ритуальном, вакханальном, карнавальном празднестве является переживание бессмертия, победы жизни над смертью, а значит, и добра над злом, каким является, в частности, содержание сказки как наиболее архаичного литературного жанра. Выделившись на заре времен из мифа [11, с. 310], освящавшего своим догматическим авторитетом регулярный ритуал, волшебная сказка, будучи легкомысленно необязательной («сказка–ложь»), сохранила драматургию ритуала с двумя его полупериодами.

Как и в ритуале, завязка сказки представляет фазу мучительного исправления ошибки, преодоления порчи мира, случившейся в результате нарушения запрета, пропажи сверхценного объекта (царской дочери) [12, с. 31] и т. д. Подобно сакральному объекту жертвоприношения сказочный герой жертвенно принимает на себя сумму испытаний, метафорически конденсируя в себе участь трагического персонажа, пределом вызовов для которого иногда оказывается смерть, оборачивающаяся посредством чудесной комбинации «живой и мертвой воды» воскрешением. И уже в фазе развязки сказочный герой, выдержав испытания, восстанавливает гармонию мира, что символизируется празднично-комедийной метонимизацией в виде свадебного пира. Тем самым в следовании драматургии священнодействия в сказке завязочный период трагедийно минорного искупления ошибок-грехов переходит в развязочный период комедийно мажорного примирения-евхаристии.

Позже, пройдя весь поэтический генезис от анонимной описательности *эпоса* через *драматическую* конфликтность трагического/комического героя и мира к *лирической* центральности авторской позиции [13, с. 59–65], является античный роман. И хотя роман аккумулирует литературные роды, конструкцию романа определяет сюжет сказки в виде схожего с крестным знаменем хиазма, в котором вертикаль минорного, *злого* конфликта героя с миром в точке «перелома» (Поэт. 1452 а 20) [14, с. 657] переключается в горизонталь мажорного, *доброто* примирения одного с другим. Античный романский канон определил литературную деятельность апостола Иоанна Богослова по представлению Библии как законченного художественного произведения.

Поскольку роман остается незавершенным без вменяемой развязки, в духовном видении Богослову открываются величественные образы Апокалипсиса. На первый взгляд они

описывают катастрофу конца света. Но подлинным финалом библейского сценария мировой истории является евхаристическая радость праздничного примирения неба и земли, «брачной вечера» Христа как небесного Жениха и Церкви, «невесты Агнца» (Откр 19–22). А следом прологом к своему Евангелию «Вначале было Слово» (Ин 1:1), очевидно отсылающему к прологу всего Священного Писания «Вначале сотворил Бог небо и землю» (Быт 1:1), евангелист уточняет и существо завязки библейского нарратива, который, обретя свою «альфу» и «омегу», предстает в качестве абсолютного художественного произведения с интригой, «соединяющей Апокалипсис с Книгой Бытия» [15, с. 31].

Его сюжетным каркасом является все та же крестообразная траектория переключения завязочной фазы трагического конфликта человечества с Богом в развязочную фазу их «божественно-комедийного» примирения. В этом переключении вертикаль грехопадения, начинаясь первородным грехом в виде нарушения божественного запрета на вкушение плодов древа познания добра и зла, завершатся страданиями и смертью Бога в лице Иисуса Христа. Затем в гробнице по прошествии трех дней случается чудесное событие воскресенья Христа как главного героя священной истории мира, образуя этим полюс перелома составляющей завязки искупительно кризисной вертикали в образующую развязку – горизонталь евхаристического примирения, венцом которой в конце исторических времен является свадебный союз небесного Бога и земного человечества.

«Божественная комедия» Данте Алигьери, обобщая тысячелетний опыт существования христианства, уже не только событийно, но и топологически воспроизводит крестно-знаменную траекторию библейского сюжета. Так, поэма завязывается сошествием во Ад, и это движение по девяти кругам, вертикально закручивающихся к фигуре Люцифера, погружает лирического героя в минорность мучительных испытаний в скорбно-покаянных переживаниях, которые кульминируют смертельный ужас в проползании вдоль замерзшего тела дьявола. Оно и образует точку переключения сужающейся вертикали адского нисхождения в горизонталь уже восхождения лирического героя по расширяющимся кругам: сначала Чистилища, а потом и Рая. И это возвышение, в котором героя сопровождает его возлюбленная Беатриче, наполняя его мажорными эмоциями радости и любви, завершается десятым небом – самым широким и неподвижным. В отношении канона христианской словесности Бахтин резюмирует: «Христианская идея мученичества (испытание страданием и смертью), с одной стороны, и идея искушения (испытание соблазнами) – с другой, дают специфическое содержание организующей материал идее испытания в громадной раннехристианской и затем средневековой житийной литературе...» [16, с. 144–145].

Накапливавшиеся на протяжении веков мировоззренческие противоречия мира средневекового Запада обусловили то, что его в итоге сменила цивилизация Нового времени. Основной среди каверз католической доктрины была онтологическая несовместимость рационализации Бога в наиболее абстрактном концепте субстанции и мистического исповедания Имени Бога. Главной сценой этого противоречия стал схоластический спор между реалистами и номиналистами об универсалиях. И финальным выводом номинализма оказывается рационалистический посыл *cogito ergo sum*, который, удержав абсолютизм субстанциальности, полностью относит его к позиции субъекта.

Литературной иллюстрацией субстанциального возобладания субъектного умозрения над предикатным миром, которая, правда, на несколько десятилетий опередила его теорети-

ческое обоснование Декартом (1637), является «Гамлет» Шекспира (1601). Трагическую субъектность Гамлета инициирует явление «призрака мертвого отца», который, открывая сыну глаза на обстоятельства своей смерти, заряжает его негативной энергией смертоносного отмщения. Явление мертвого Гамлета-отца в виде «призрака», Ghost, который еще имеет значение «духа», говорит о вытесняющем замещении имени Бога позицией субъективности в наличном образе Гамлета-сына в том смысле, в каком местоимение – это *призрак* имени или, как выражается русский религиозный мыслитель С. Н. Булгаков, «тень имени» [3, с. 51].

Человеческое местоимение Я, замещая Божье имя, принимает на себя соответствующие полномочия, среди которых возможность быть автором-творцом, пусть и вымышленного мира в виде его картины. Вытесняясь внутрь имманентно-синтаксической позиции Я/есть, в расщелину между субстанциально *господским* субъектом и *рабским* предикатом, «мертвое» отцовство Бога «воскресает» в авторстве. Канон новоевропейской поэтики фундирован в парадигме антропоцентричной субстанциализации субъекта.

В то же время, по Бахтину, возникший в XVI в. канон модернистской поэтики открыт для двух разновидностей новоевропейского романа, имеющего или имманентно монологическую, или трансцендентно диалогическую стилистику. И если «романы первой стилистической линии идут к разноречию сверху вниз, они, так сказать, снисходят до него», то «романы второй линии, напротив, идут снизу вверх: из глубины разноречия они поднимаются в высшие сферы литературного языка и овладевают ими» [16, с. 155]. Полнос картезианского эгоцентризма автора, став точкой отсчета для двух стилистик новоевропейского романа, одновременно и определил их полярность в отношении того, воспринимать этот полюс как повод для нисхождения или все же для восхождения.

И, конечно, этой второй стилистике как трансцендентной, восходящей снизу вверх, в полной мере отвечает творчество-великого русского писателя Достоевского, совершающего воскрешение евангельской поэтики. Большая часть романов писателя прежде всего представленных в Пятикнижии, реализует крестообразную траекторию библейского сюжета. Так, сюжет «Преступления и наказания» образован крестом переключения вертикали «кризиса» Раскольникова в горизонталь «перерождения» [16, с. 147]. Ось трагичного падения героя, решившегося на себе проверить собственную теорию о делении человечества на «наполеонов» и «тварей дрожащих» на предмет своей принадлежности касте первых, переламывается в ось спасения в сценах диалогов с Сонечкой, когда для взгляда Раскольникова в конкретном лице жертвы, что себя «*понапрасну* умертвила» [17, с. 247], проступает образ Божий, вдохновляя образующую развязку примирение героя с миром.

Весь план экзистенциально насыщенного диалога Раскольникова и Сонечки в модусе «обнажения приема» выражает ключевую в теории литературы Бахтина тему корреляции *автора и героя*. В контексте бахтинской концепции роман Достоевского содержит «золотое сечение», по которому герой относится к героине так, как автор относится к герою. В сценах разговоров Сонечка изображается с точки зрения Раскольникова, с которой она является в полноте своей наружности, – и в этом изображении нет ничего, что ускользало бы от взгляда читателя. Напротив, образ Раскольникова – прерывист, фрагментарен, принципиально не целостен. В смысле концепции Бахтина это означает, что Сонечка пребывает на *внешнем* полюсе Другого, предстающего, что называется, «в полной рост», а Раскольников совпадает с *внутренним* полюсом авторского Я, которое не дано в целостности.

По Бахтину, функция наружности как то, что, объемля «целое души», дана «для меня только в другом», а для «Я» «целостный образ рассеян в жизни, попадая в поле видения внешнего мира лишь в виде случайных обрывков...» [18, с. 114–115]. Из контраста целостности Другого во внешнем образе и нецелостности Я во внутреннем переживании следует вывод о том, что «формой конкретного переживания действительного человека является корреляция, но не обратимость категорий Я и Другого, и эта форма Я, в которой Я переживаю себя-единственного, в корне отлична от формы Другого, в которой Я переживаю всех без исключения других людей» [18, с. 117–118]. В контексте поэтики романа взгляд Раскольникова на Сонечку как на Другого, собирая в ней образ Божий, является метафорическим, поскольку в ее лице Раскольникову видится божественное существо человека. Но точно так же и автор Достоевский метафорически сгущает в образе Раскольникова судьбу современного человека, который, вытравив из души Божье начало, впал в прелесть «наполеоновского» эгоцентризма («я хотел Наполеоном сделаться, оттого и убил...» [17, с. 318]).

Подобно тому, как жрец и священник своими молитвенно-благодарными, содержащими имя бога глоссолалиями заряжают земную вещь значением священного объекта, который собирает людей в круг солидарной общины, объединяющей заодно и весь мир, так же бахтинский автор-творец созидает *эстетический объект*, что в виде многозначного Образа мира замыкает на себя символически претворенную в романном мире действительность [18, с. 248]. Поэтическая метафоризация, собирая мир, выводит его из статуса предиката, депредикативизирует мир, благодаря чему он перестает быть зависимым и подотчетным человеку как субъекту и помещается в сердцевину круга человеческого благоговения, «страха и трепета».

В созидании эстетического объекта с автором-творцом происходит ключевая метаморфоза. Сгущая эстетическую форму, *Gestalt*, конденсируя образ героя, сам автор параллельно *смещается* на периферию созерцания того, что возникает как образ, который центрирует собой романый мир, а с ним и мир как таковой. Это происходящее в эстетической деятельности смещение наполняет автора-художника переживанием жалости, симпатии, любования образом или героем. Гармонизация образа героя и духа автора и обозначает существо бахтинской диалогичности, что, восходя «в вечность» [18, с. 156], «растопляет в своей стихии все без исключения внутренние и внешние определения как самих героев, так и их мира. Личность утрачивает свою грубую внешнюю субстанциальность, свою вещную однозначность, из бытия становится событием» [19, с. 175]. В случае с поэтикой Достоевского исправление перекоса пары Я/Другой сбывается на пути углубления в «подпольную» суть имманентного синтаксиса, в глубинах которого один синтаксис разворачивается в другой. И поскольку все это происходит на одной и той же траектории, поэтика Достоевского движется в свете поэтического видения Данте, герой которого восходит в трансцендентный рай сквозь ад имманентности [20, с. 141].

В описании Бахтиным художественной деятельности его процесс предстает как динамика выравнивания весов отношения человека и мира, на одной чаше которых – эстетический образ, которым является и образ героя, а на другой – дух вдохновленного автора. Итогом гармонизации этих равноправных краев оказывается возникновение *просвета* трансцендентного, который объединяет собой и эстетический образ, и событие творческого вдохновения в

«единстве обымания, охватывания предмета и события» [21, с. 318]. В онтологическом измерении просвет трансцендентности соотносится с именем Бога, включение которого является сущностной целью эстетической деятельности. В контексте отношения Я, переживающего себя как дух, и Другого, являющегося в модусе целостного образа, просвет трансцендентности предстает как явление Третьего. Как пишет А. А. Грякалов, «область третьего – это именно сфера события», а оно «представляет единство конкретно-всеобщего религиозного переживания мира, культурного космоса и неповторимого поступка» [8, с. 389–390].

Речь идет о триединстве трех моментов – духовного переживания Субъекта, внешнего образа Другого и того Третьего, что обнимет их своим кругом, и что может быть понято как имя Бога. Имеющая трансцендентный мотив гармонизация находящегося *внутри* Субъекта и Другого, являющегося, *извне* движима тем, что в другом сгущается в созерцаемый образ Божий, а Субъект смещается к периферийной позиции любящегося духа, и это встречное движение имеет целью растворение оппозиции внутреннее/внешнее в круге трансцендентной гармонии Духа как метонимизированного Субъекта и Образа как метафоризированного Другого. Лингвоонтологическое описание Бахтиным разворачивания синтаксиса имманентности в синтаксис трансцендентности прямо примыкает к христианской онтологии Троичного Бога, поскольку преобразование Другого в Образ воспроизводит отношение второго Лица Троицы к первому Лицу, а пресуществление субъекта в Дух дублирует отношение к первому Лицу Третьего – Лица Троицы. И в том, что второе и третье Лицо по способу *рождения* одного и *исхождения* другого от первого Лица, предполагают Его как свой источник, синтаксис трансцендентности, имея приоритетом Имя как горизонт троичной гармонии внешнего Образа (Другой) и внутреннего Духа (Субъект).

Заключение. Лингвоонтологический подход Бахтина различает три уровня – логику, грамматику, поэтику. Уровень грамматики представляет обыденную нейтральную закономерность самого языка, по отношению к которому именование Моисеем Бога в высказывании «Я есмь Сущий» (Исх 3:14), связывая местоимение, глагол и имя, предстает своего рода нулевой степенью речи, поскольку содержит точку бифуркации речи на нисхождение в логику и восхождение к поэтике. Логическое нисхождение синтезирует полюс субстанциально централистского, монологического субъекта, чья основа – синтаксис имманентности, в котором субъект всеобщего умозрения (глагол) доминирует над наличным миром и другим как своим предикатом (имя) относительно полюса Я/есть (местоимение). При этом принципиальная непреодолимость расщепленности в границах изолированной автономности субъекта невольно оказывается трамплином для трансгрессии за пределы субъективности, подобно тому, как достижение дна водоема дает возможность, оттолкнувшись от него, переломить вектор погружения в воду в вектор всплытия. И в случае творческого восхождения душа входит в поэтический модус метафоризации предикатного мира, в которой тот сгущается в вызывающий восхищение и любовь прекрасный образ, а сам субъект из эгоцентризма смещается на периферию любящегося созерцания, переживая в себе полноту духа. Гармонизация пресуществленного в искупительный образ мира (глагол) и человека, евхаристически причащающегося ему духом (местоимение), открывая трансцендентное измерение имени Бога, вызволяет субъект из пропасти субъект-предикатной отчужденности человека от мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волошинов В. Н. О границах поэтики и лингвистики // Бахтин М. М. Антропологическая лингвистика. Избранные труды. М.: Лабиринт, 2010. С. 225–253.
2. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Академ. проект, 2011.
3. Булгаков С. Н. Философия имени. Париж: YMCA-Press, 1953.
4. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / пер. с фр. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 427–457.
5. Махлин В. Л. Металингвистика М. М. Бахтина в контексте его метафилософии // Литературоведческий журнал. 2024. № 1 (63). С. 9–24. DOI: 10.31249/litzhur/2024.63.01
6. Фаритов В. Т. Онтологический статус феномена дискурса // Эпистемология & философия науки. 2014. Т. XXXIX, № 1. С. 124–136.
7. Якобсон Р., Леви-Строс К. Переписка 1942–1982 / пер. с фр. О. Волчек; под науч. ред. С. Фокина. М.: Дело, 2022.
8. Грякалов А. А. Письмо о событии. Эстетическая топография современности. СПб.: Наука, 2004.
9. Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка // Бахтин М. М. Антропологическая лингвистика. Избранные труды. М.: Лабиринт, 2010. С. 7–144.
10. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса // Собрание сочинений: в 7 т. Т. 4 (2). М.: Языки славянских культур, 2010. С. 7–508.
11. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. СПб.: Азбука, 2021.
12. Пропп В. Я. Морфология сказки. М.: Наука, 1969.
13. Ницше Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм / пер. с нем. Г. А. Рачинского // Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 47–157.
14. Аристотель. Поэтика / пер. с древнегреч. М. Л. Гаспарова // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 645–680.
15. Рикер П. Время и рассказ: в 2 т. Т. 2. Конфигурация в вымышленном рассказе / пер. с фр. Т. В. Славко. М.; СПб.: Университ. книга, 2000.
16. Бахтин М. М. Слово в романе // Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 9–179.
17. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. Л.: Наука, 1973.
18. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2003. С. 69–264.
19. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского // Собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. М.: Языки славянских культур, 2000. С. 5–175.
20. Жирар Р. Достоевский: от двойственности к единству / пер. с фр. Г. Куделич. М.: Изд-во ББИ, 2013.
21. Бахтин М. М. К вопросам методологии эстетики словесного творчества // Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2003. С. 265–325.

Информация об авторе.

Кошмило Олег Константинович – кандидат философских наук (2001), доцент кафедры связей с общественностью Тольяттинской академии управления, ОК «Алые паруса», стр. 5, с/п «Ягодное», Ставропольский м. р-н, Самарская обл. 445114, Россия. Автор 42 научных публикаций. Область научных интересов: онтология и теория познания, философия языка, философия литературы.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 01.09.2025; принята после рецензирования 15.01.2026; опубликована онлайн 20.04.2026.*

REFERENCES

1. Voloshinov, V.N. (2010), "On the boundaries of poetics and linguistics", Bahtin, M.M. *Antropolingvistika: Izbrannye trudy* [Anthropolinguistics: Selected Works], Labirint, Moscow, RUS, pp. 225–253.
2. Heidegger M. (2011), *Sein und Zeit*, Transl. by Bibichin, V.V., Akademicheskii proekt, Moscow, RUS.
3. Bulgakov, S.N. (1953), *Filosofiya imeni* [The philosophy of the name], YMCA-Press, Paris, FRA.
4. Kristeva, Yu. (2000), "Bakhtin, the word, dialogue, and the novel", *Francuzskaya semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French Semiotics: From Structuralism to Post-Structuralism], Transl. by Kosikov, G.K., Progress, Moscow, RUS, pp. 427–457.
5. Mahlin, V.L. (2024), "Metalinguistics of M.M. Bakhtin in the context of his metaphilosophy", *Literaturovedcheskij zhurnal*, no. 1 (63), pp. 9–24. DOI: 10.31249/litzhur/2024.63.01
6. Faritov, V.T. (2014), "Ontological status of the phenomenon of discourse", *Epistemology & philosophy of science*, vol. XXXIX, no. 1, pp. 124–136.
7. Jakobson, R. and Levi-Strauss, C. (2022), *Correspondance (1942–1982)*, Transl. by Volchek, O., in Fokin, S. (ed.), Delo, Moscow, RUS.
8. Gryakalov, A.A. (2004), *Pis'mo o sobytii. Ehsteticheskaya topografiya sovremennosti* [Letter about the event. The aesthetic topography of modernity], Nauka, SPb., RUS.
9. Voloshinov, V.N. (2010), "Marxism and the philosophy of language", Bahtin, M.M. *Antropolingvistika: Izbrannye trudy* [Anthropolinguistics: Selected Works], Labirint, Moscow, RUS, pp. 7–144.
10. Bahtin, M.M. (2010), "The works of François Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance", *Sobranie sochinenii* [Collected works], in 7 vols., vol. 4 (2), Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, RUS, pp. 7–508.
11. Meletinskii, E.M. (2001), *Poetika mifa* [Poetics of myth], Azbuka, Moscow, RUS.
12. Propp, V.Ya. (1969), *Morfologiya skazki* [Morphology of fairy tale], Nauka, Moscow, USSR.
13. Nietzsche, F. (1990), "Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik", Transl. by Rachinskii, G.A., *Sochineniya* [Works], in 2 vols., vol. 2, Moscow, Mysl', USSR, pp. 47–157.
14. Ἀριστοτέλης (1983), "Περὶ ποιητικῆς", Transl. by Gasparov, M.L., *Sobranie sochinenii* [Collected works], in 2 vols., vol. 2, Mysl', Moscow, USSR, pp. 645–680.
15. Ricœur, P. (2000), *Temps et recit T. 2 La configuration dans le recit de fiction*, Transl. by Slavko, T.V., Universitetskaya kniga, Moscow, SPb., RUS.
16. Bahtin, M.M. (2012), "A word in a novel", *Sobranie sochinenii* [Collected works], in 7 vols., vol. 3, Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, RUS, pp. 9–179.
17. Dostoevskii, F.M. (1973), *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], in 30 vols., vol. 6, Nauka, Leningrad, USSR.
18. Bahtin, M.M. (2003), "On the methodology of the aesthetics of verbal creativity", *Sobranie sochinenii* [Collected works], in 7 vols., vol. 1, Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, RUS, pp. 69–264.
19. Bahtin, M.M. (2000), "Problems of Dostoevsky's creativity", *Sobranie sochinenii* [Collected works], in 7 vols., vol. 2, Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, RUS, pp. 5–175.
20. Girard, R. (2013), *Dostoïevski du double à l'unité*, Transl. by Kudelich, G., BBI, Moscow, RUS.
21. Bahtin, M.M. (2003), "On the methodology of the aesthetics of verbal creativity", *Sobranie sochinenii* [Collected works], in 7 vols., vol. 1, Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, RUS, pp. 265–325.

Information about the author.

Oleg K. Koshmilo – Can. Sci. (Philosophy, 2001), Associate Professor at the Department of Public Relations, Tolyatti Academy of Management; bldg. 5 OK «Alye parusa», s/p «Yagodnoe», Stavropol'skii m. r-n, Samarskaya obl. 445114, Russia. The author of 42 scientific publications. Area of expertise: ontology and theory of knowledge, philosophy of language, philosophy of literature.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 01.09.2025; adopted after review 15.01.2026; published online 20.04.2026.